

Н. Н. Крючков

ГЕРОЙ ИЗ «ЛЕДЯНОГО ДОМА»: ОБРАЗ А. П. ВОЛЫНСКОГО В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1820-1830-х гг.

Статья посвящена анализу художественного образа Артемия Волынского в литературных произведениях 20-30-х гг. XIX в. Отсутствие специальных исследований о событиях аннинского царствования, недоступность исторических документов для образованной части общества, влияние романтизма предопределили литературную традицию. Созданный писателем И.И. Лажечниковым идеализированный образ казненного патриота оказался достаточно долговечен.

Ключевые слова: исторический роман, литературная традиция, художественный образ, историческая память

Казнь кабинет-министра Анны Иоанновны Артемия Петровича Волынского и его товарищей была последней кровавой расправой над столичным дворянством в XVIII в. Фактически до восстания декабристов и суда над их предводителями в 1826 г. ни один аристократ не был казнен по обвинению в государственной измене. Постепенно уходили из жизни свидетели тех событий, менялось мироощущение общества. Человеческая трагедия перешла в разряд исторических легенд, «анекдотов из времен аннинских». Гибель Волынского на эшафоте привлекала внимание не одного поколения русских беллетристов. «Гражданскому подвигу» «борца с немецким засильем» посвящен ряд блестящих литературных произведений (хотя зачастую Волынский не был в них главным героем). Вспоминая слова известного историка и писателя XIX века Е.П. Карновича: «...ничто так не вредит исторической истине, как хорошо написанный исторический роман» [Карнович 1873], отметим, однако, обратное. Именно историография проблемы наложила определенный отпечаток на художественную литературу о Волынском.

Патриотический подъем после Отечественной войны 1812 г. вызвал массовый интерес к личности Артемия Петровича. Поэт-декабрист Кондратий Рылеев воспел гибель Волынского в думах «Волынский» и «Видение Анны Иоанновны» [Рылеев 1975]. В первой из них: *«Стран северных отважный сын / Презрев и казнью и Бироном / Дерзнул на приищца один / Всю правду высказать пред троном / Открыл царице корень зла / Любимца гордого пороки / Его ужасные дела / Коварный ум и нрав жестокий...»*. Еще более яркой была дума «Видение Анны Иоанновны» («Голова Волынского»): кошмары, мучившие императрицу, описаны в ней столь красочно, что цензура запретила ее публикацию. Образ окровавленной головы был весьма романтичен, но остается непонятным, занял бы Волынский столь видное место в творчестве поэта-

революционера если был бы повешен или «всего лишь» сослан в Сибирь. Комментировать художественные достоинства поэзии Рылеева мы не будем, достаточно привести известный отзыв А.С. Пушкина: «Все они [думы – Н.К.] слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из общих мест (loci topici)... описание места действия, речь героя и – нравouchение», – писал Пушкин Рылееву. – «Национального, русского нет в них ничего, кроме имен» [Пушкин 1962].

В 1834 г. в печати появляется роман К.П. Масальского «Регентство Бирона». Как видно из заглавия, действие романа проходит спустя полгода после казни Волынского и его товарищей:

«Валериан! Это какое здание? – спросил Ханыков, взяв друга за руку и указывая на большой деревянный дом с садом, который был огорожен деревянным частоколом. – Это бывший загородный дом кабинет-министра Волынского. – А теперь чей этот дом? – Теперь живет в нем полковник фон Трескау, начальник придворной псовой охоты, с придворными егерями и собаками. – Почему? – Странный вопрос! Разве ты не знаешь, что все имение Волынского конфисковано в казну после того, как отрубили ему голову? Неужели ты забыл это? С тех пор прошло не более четырех месяцев. – А за что отрубили ему голову? – Опять странный вопрос! Весь город знает, что герцог погубил его за то, что Волынский осмелился против него действовать. – Валериан! Тогда еще герцог не был полновластным правителем. Размысли о несчастной судьбе Волынского: что случилось с ним, то и с другим ныне гораздо легче случиться может...» [Масальский 1989: 305].

Русская критика в лице В.Г. Белинского без восторга приняла данный роман: отношение Белинского к Масальскому всегда было пренебрежительным, что объяснялось идеологическими разногласиями. «Регентство Бирона! Понимаете ли вы, что это за эпоха в нашей истории и что может из ней сделать истинный талант? [этот долг теперь за г. Лажечниковым] Что ж сделал из ней г. Масальский? Написал скучную, вялую сказку, в которой не видно ни Бирона, ни тогдашней России, ни тогдашних людей, ибо его Бирон, его люди – образы без лиц; перемените их имена и перенесите их в какую вам угодно эпоху: все будет хорошо и ладно». Как видно из этой цитаты, творчество И.И. Лажечникова вызывало у Белинского восторг [Белинский 1976].

Появившийся в 1835 г. роман Лажечникова «Ледяной дом» выдержал несколько изданий, став популярнейшим бестселлером своего времени. События романа разворачиваются зимой 1740 года на фоне «курьезной свадьбы» шутов, для которой и был выстроен знаменитый ледяной дом. Одна сюжетная линия посвящена открытой борьбе между «русской» и «немецкой» партиями, возглавляемыми А.П. Волынским и Э.И. Бироном. С другой стороны, роман повествует о трагической любви Волынского к молдавской княжне Мариорице Лелемико. Лажечников достаточно вольно обращался с историческими фактами: даже друзья-конфиденты Волынского выведены у него под измененными именами. Впрочем, литературная критика более чем благосклонно отнеслась

к роману «русского Вальтера Скотта». Характерно, что первый критический отзыв в отношении этого произведения прозвучал вовсе не от профессионального литературного критика, а от А.С. Пушкина.

Одним из исторических персонажей, выведенных на страницах книги, был Василий Кириллович Третьяковский. К несчастью покойного поэта, его литературный образ был нарисован так ярко и убедительно, что это повлияло на отношение к нему читателей. На страницах романа Третьяковский – бездарность и педант, «вдохновения не было у него ни в голове, ни в сердце», все подавляло «корыстолюбие». Он самодовольно рассказывает «анекдотец о себе и Петре Великом» герою романа вельможе Волынскому: «Извольте ведать, что я обучался элементам наук и древних языков в архангельской школе. Уже в летах младых я обещал в себе изобильные надежды. <...> Всемиловнейший государь, блаженные и вечностойные памяти, соблаговолил подойти ко мне, выведенному из ряда прочих школьников, поднял державною дланью власы на главе моей и, взглянув пристально мне в очи, а скиптроною ударив по челу моему, произнес: «О! этот малой труженик: он мастером никогда не будет». Поэт гордится тем, что он стал «мастером», а значит, император в нем ошибся [Лажечников 1955: 56-57]. Лажечников не поспешил на детали, унижающие поэта: тот уходит из дома Волынского и уносит «Тилемахиду», завернутую в один платок с «богатою парой платья», подаренной ему «покровителем». И «пожалован» поэт был все не за свое творчество (вызывающее скуку у просвещенных героев книги), а за посредничество в амурных делах кабинет-министра. Заискивание Третьяковского перед «сильными персонами» (в их роли выступают и такие ничтожные люди, как сын «барской барыни»), по мысли автора, также должно было подчеркнуть трусость и подлость «писачки».

Даже «торжество» поэта унижительно для него: «государыня рукоплещет» его стихам, посвященным свадьбе шутов. Реальный эпизод избиения поэта «истинным меценатом» Волынским за отказ написать эти стихи не вошел в роман. На момент написания книги автор не знал об этом: жалоба Третьяковского еще не была опубликована. В издании романа 1835 г. Василий Кириллович ставил ногу на отрубленную голову своего благодетеля Волынского (при переиздании «Ледяного дома» эта «деталь» была писателем из романа изъята).

Характерно, что Пушкин в письме обвинил Лажечникова в необъективности: своим изображением Третьяковского романист оскорбил «человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей» [Пушкин 1949]. В ответ, сославшись на свидетельства современников тех событий и документы, Лажечников решительно отвечал: «Низких людей, подлецов, шутов считаю обязанностью клеймить, где бы они ни попались мне». Раз Третьяковский «был низок и подл», значит в том, чтобы «поколотить его, не было большого греха». Лажеч-

ников полностью отрицает и человеческие достоинства Третьяковского, и какие-либо достоинства его произведений: тот был «писачка, которого заслуги литературные надобно отыскивать в кучах сору» [Лажечников 1949]. Образы Волынского и Бирона не вызвали отповеди Пушкина: он заметил только то, что Бирон «имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа» [Пушкин 1949].

Неизвестно собирался ли сам А.С. Пушкин писать роман о Волынском. Косвенно о его отношении к истории кабинет-министра можно судить по эпизоду из «Капитанской дочки», где о казненном патриоте упоминает Андрей Петрович Гринёв – отец главного героя Петруши Гринёва, осужденного за измену как государственного преступника:

«Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твердости, и горсть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! – повторял он, выходя из себя. – Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве легче? Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» [Пушкин 1950. С. 533].

Безусловно, образ Волынского, воплощенный на страницах «Ледяного дома», более чем привлекателен. Характерен разговор между русским патриотом Волынским и «хорошим немцем» фельдмаршалом Мином – автор деликатно обходит тему патриотической германофобии:

«Опять скажу вам, граф, что или меня худо понимают, или на меня клеветают. Не люблю выходцев, ничтожных своими душевными качествами и между тем откупивших себе тайною монополией, неизвестными народу услугами или страдальческим многотерпением право грабить, казнить и миловать нас, русских!.. Но... пришлец в мое отечество, будь он хоть индеец и любви Россию, пригравшую его, питающую его своею грудью; служи ей благородно, по разуму и совести – не презирай хоть ее, – и я всегда признаю в нем своего собрата. Вы знаете, отдавал ли я искреннюю дань уважения Остерману, министру Петра Великого – не нынешнему, боже сохрани! – Брюсу и другим, им подобным?.. Презираю иностранца, ползающего перед каким-нибудь козырным вельможей, который, с помощью кровавых тузов, хочет выйти в короли; но менее ли достойна презрения эта русская челядь (он указал на толпу, стоявшую униженно около стен, опираясь на свои трости)? Посмотрите на эти подлые, согнутые в дугу фигуры, на эти страдавшие от ожидания лица... Скомандуйте им лечь наземь крыжом, польски; поверьте, они это мигом исполнят. Мало? – велите им сбить яблоко не только с головы сына... с младенца у груди жены и поманите их калачом, на котором золотыми буквами напишут – "милость Бирона", – и они целый пук стрел избудут, лишь бы попасть в заданную цель» [Лажечников 1955: 129].

Тем не менее, Пушкин не обманывался насчет личности Волынского. Благодаря В.А. Жуковскому он получил возможность познакомиться с анонимной «Запиской об Артемии Волынском» – конспектом

следственного дела, составленным графом Д.Н. Блудовым для Николая I (1858). Фактически это был единственный (и малодоступный) источник по истории данного периода. Помимо «Записки...» образованная публика могла познакомиться в лучшем случае с мемуарами современников. Единственным доступным «массовому» читателю историческим сочинением была «Русская история» С.Н. Глинки [Глинка 1823], где Волынский был назван «первым другом отечества и усердным служителем престола». Ему же принадлежит фраза, ставшая своеобразным штампом XIX в.: «голова верного сына отечества под секирою палача». Только знакомство со следственным делом могло повлиять на позицию автора.

В этом смысле характерна статья молодого журналиста А.А. Краевского о А.П. Волынском, написанная для «Энциклопедического лексикона» несколько лет спустя после выхода «Ледяного дома». Основным материалом послужила именно «Записка о Артемии Волынском», но автор, кратко пересказав содержание этого источника, добавил свое суждение о Волынском. По его мнению, казненный кабинет-министр,

«...может и не заслужил такой бедственной участи, но и не приобрел права на благословение потомства». «Он сам подал повод к гонению на себя, не хотел скрыть вражду своей к Остерману, и раздражил своей гордостью и жестокостью людей, даже самых преданных ему. Без этого, может быть, его и не тронули бы, и он мог бы окончить спокойно дни свои. Но жестокость нрава его, безрассудная гордость, злоупотребления по службе, в которых сам он признался, и не благо общее, а личная ненависть, которой в жертву принес он и благосостояние свое и собственную жизнь, все это не дозволяет почитать его государственным сановником, который пожертвовал собою за благо отчизны» [Краевский 1838].

Д.И. Языков, в комментариях к «Запискам Василия Александровича Нащокина» [1842: 220] поместил свой отзыв о Волынском:

«...Нащокин отдает справедливость уму Волынского. Современник их князь Яков Петрович Шаховской в своих записках (I, 16, второго издания) говорит, что Волынский был из лучших в кабинете Монаршем дельцов, и все его дела были истинного любителя отечества, славы Монаршей и пользы общей. Но другой современник, генерал Манштейн, отзываясь о нем так: «Человек отличного ума; но непомерного честолюбия, соединенного с большою гордостью и величайшей неосторожностью; он часто каверзничал и во всю свою жизнь был беспокойным человеком». И действительно, рассматривая беспристрастно дела Волынского, можно убедиться, что не благо общее, а личная ненависть к иностранцам погубила его. Он сам подал повод к гонению на себя тем, что не скрывал ненависти своей к Остерману и Бирону. Гордостью и жестокостью он раздражал даже людей, ему преданных. Но все это не оправдывает кровожадности Бирона, рука которого отяготела даже на невинном семействе его врага»¹.

Однако образованная публика предпочитала беллетристику и начавшие входить в моду толстые журналы с их критическими статьями.

¹ В современном переводе Волынский «был склонен к интриге и всю жизнь слыл неугомным человеком».

Влиятельнейшим литературным критиком рубежа 1830–1840-х гг. был В.Г. Белинский, далеко не беспристрастный в своих оценках литературных произведений. Главным для него была пресловутая идейность произведения, причем идейность, соответствующая его видению мира. Статья Белинского о «Ледяном доме» не только иллюстрирует его пристрастность, поскольку критические отзывы о непонравившихся ему литературных произведениях в лучшем случае удастаивались нескольких колких замечаний (как мы видели на примере романа К. Масальского). Она показывает его видение того, каким должен быть исторический роман, как должна изображаться историческая личность. С одной стороны, Белинский ратует за беспристрастность автора в изображении героев:

«В числе действующих лиц мы встречаем двух шутов – Кульковского и Тредиаковского. Оба они были бы прекрасно изображены, если бы автор не сердился на них и не выказывал к ним своего отвращения и презрения. Повторяем: поэт не судья, а свидетель, и свидетель беспристрастный. Он говорит: так было, а хорошо или худо – не мое дело! Для него все люди и хороши, и интересны, он всеми лобуетя, всех любит; любит их такими, каковы они есть. Так натуралист не брезгает никакою гадиною, равно дорожит чучелою отвратительной лягушки, как и чучелою миловидного голубя. Как хорошо у г. Лажечникова этот Тредьяковский – его образ выражения, манеры – словом, все превосходно; но насмешки автора над педантом разрушают все очарование. Моральная точка зрения на жизнь и поэтический взгляд на нее – это вода и огонь, взаимно себя уничтожающие. Бесспорно, Тредьяковский был душонка низенькая: образцовая бездарность, соединенная с чудовищными претензиями на гениальность, необходимо предполагают в человеке или глупца, или подлеца» [Белинский 1977: 365].

Характерно, что в отличие от Пушкина, Белинский явно не был знаком ни с обстоятельствами «дела Волынского», ни с ролью В.К. Тредиаковского в русской литературе. С другой стороны, интересно, что Белинский вопреки постулатам реализма склонен прощать автору слишком вольное обращение с историческими фактами:

«Герой – Волынский. Как историческое лицо он и теперь еще загадка. Одни видят в нем героя, мученика за правду; другие отрицают в нем не только патриота, но и порядочного человека. Но мы оставим *исторического* Волынского – нам до него нет дела: мы пишем не об истории, а о романе. Тут представляется другой вопрос: имеет ли право поэт исказить историческое лицо? *Да и нет*, отвечаем мы. Да будет проклят, кто бы нанес святотатственную руку на искажение Петра Великого и умышленно осмелился бы сделать уродливого карлу из великана человечества; но анахронизмы, искажение событий, вследствие требований ткани и механизма романа, – но только без искажения идеи лица, – могут казаться непозволительными или преступными только, вникающему рассудку, а не живому эстетическому чувству. Что же касается до сомнительных или неважных исторических лиц, то и говорить нечего: в произведении искусства должно искать соблюдения художественной, а не исторической истины. Что за важность, что Шиллер из Карлоса, непокорного сына и дурного человека, сделал идеал возвышенного, благородного человека? Худо не это, а то, что его драма есть произведение риторики, а ее лица — риторические аллегории, а не живые создания» [там же].

Подводя итог, отметим что «Ледяной дом» стал знаковым событием в русской литературе, надолго определив развитие исторической романистики. И.И. Лажечников по праву заслужил славу «русского Вальтера Скотта»: впрочем, «анекдоты из времен аннинских», когда-то слышанные писателем, и недоступность исторических источников поставили его в крайне двусмысленное положение мифотворца. Отсутствие исторических исследований по истории аннинского царствования привели к тому, что и писатель, и читающая публика оказались в плену фантазий. Немногие критические отзывы об этом произведении и идеализированном образе А.П. Волынского прозвучали со стороны тех, кто мог ознакомиться с документами – мемуарами современников и следственным делом. Однако информационный вакуум закономерно был заполнен вымыслом, что благословил В.Г. Белинский, сформулировавший идею о примате идейности над реальностью.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Белинский В.Г. Регентство Бирона. Повесть. Соч. К. Мосальского... // В.Г. Белинский Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834–1836. Дмитрий Калинин. Вступит. статья к собр. соч. Н.К. Гея. Статья и примеч. к первому тому Ю.В. Манна. Подготовка текста В.Э. Богграда. М.: «Худож. лит.», 1976. С. 350–352 [Belinskiy V.G. Regentstvo Birona. Povest'. Soch. K. Masal'skogo... // V.G. Belinskiy Sobr. soch.: V 9 t. T. 1. Stat'i, retsenzii i zametki 1834–1836. Dmitriy Kalinin. Vstupit. stat'ya k sobr. soch. N.K. Geva. Stat'ya i primech. k pervomu tomu Yu.V. Manna. Podgotovka teksta V.E. Bograda. M.: «Khudozh. lit.», 1976. S. 350–352.]
- Белинский В.Г. Ледяной дом. Сочинение И.И. Лажечникова Москва. 1835–1838. Четыре части. Басурман. Сочинение И.И. Лажечникова. Москва. 1838. Четыре части // В.Г. Белинский. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 — январь 1840. Ред. Н.К. Гей. Подготовка текста В.Э. Богграда. Статья и примеч. В.Г. Березиной. М., "Художественная литература", 1977. С. 358–С.372 [Belinskiy V.G. Ledyanoy dom. Sochineniye I.I. Lazhechnikova Moskva. 1835–1838. Chetyre chasti. Basurman. Sochineniye I.I. Lazhechnikova. Moskva. 1838. Chetyre chasti // V.G. Belinskiy Sobr. soch.: V 9 t. T. 2. Stat'i, retsenzii i zametki, aprel' 1838 — yanvar' 1840. Red. N.K. Gev. Podgotovka teksta V.E. Bograda. Stat'ya i primech. V.G. Berezinoy. M., "Khudozhestvennaya literatura", 1977. S. 358–S.372]
- Глинка С.Н. Русская история: изд. 3-е, в 14 частях. Ч. VIII. М.: в Университетской типографии, 1823. 208 с. [Glinka S.N. Russkaya istoriya: izd. 3-ye, v 14 chastyakh. CH. VIII. M.: v Universitetskiy tipografii, 1823. 208 s.]
- Записка об Артемии Волынском // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при московском университете (ЧОИДР). Кн. 2, апрель-июнь 1858. С. 135–170 [Zapiska ob Artemii Volynskom // Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri moskovskom universitete (CHOIDR). Kn. 2, aprel'-iyun' 1858. S. 135–170.]
- Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. 384 с. [Zapiski Vasiliya Aleksandrovicha Nashchokina. SPb., 1842. 384 s.]
- Карнович Е.В. Значение Бироновщины в русской истории / Е.В. Карнович // Отечественные записки. 1873. №10. С. 542–577; №11. С. 95–127. [Karnovich Ye.V. Znacheniye Bironovshchiny v russkoy istorii / Ye.V. Karnovich // Otechestvennyye zapiski. 1873. №10. S. 542–577; №11. S. 95–127]
- Краевский А.А. Волынский // Энциклопедический лексикон. Т. XI. СПб., 1838. С.464–473. [Krayevskiy A.A. Volynskiy // Entsiklopedicheskiy leksikon. T. XI. SPb., 1838. S.464–473.]

- Лажечников И.И. Ледяной дом. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1955. 312 с. [Lazhechnikov I.I. Ledyanoy dom. Smolensk: Smolenskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1955. 312 s.]
- Лажечников И.И. Письмо Пушкину А.С., 22 ноября 1835 г. Тверь // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 16. Переписка, 1835-1837. 1949. С. 63-67. [Lazhechnikov I.I. Pis'mo Pushkinu A.S., 22 noyabrya 1835 g. Tver' // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1959. T. 16. Peregiska, 1835-1837. 1949. S. 63-67]
- Масальский К. Регентство Бирона // Русская историческая повесть первой половины XIX века. М.: Сов. Россия, 1989. С. 246-350 [Masal'skiy K. Regentstvo Birona // Russkaya istoricheskaya povest' pervoy poloviny XIX veka. M.: Sov. Rossiya, 1989. S. 246-350]
- Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. (1-е изд.) М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 6. Художественная проза. 1950. С. 391-556. [Pushkin A.S. Kapitanskaya dochka // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. (1-ye izd.) M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1959. T. 6. Khudozhestvennaya proza. 1950. S. 391-556.]
- Пушкин А.С. Письмо Лажечникову И.И., 3 ноября 1835 г. Петербург // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 16. Переписка, 1835-1837. 1949. С. 62. [Pushkin A.S. Pis'mo Lazhechnikovu I.I., 3 noyabrya 1835 g. Peterburg // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1959. T. 16. Peregiska, 1835-1837. 1949. S. 62.]
- Пушкин А.С. Письмо Рылееву К.Ф., вторая половина мая 1825 г. Из Михайловского в Петербург // А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 156 [Pushkin A.S. Pis'mo Ryleyevu K.F., vtoraya polovina maya 1825 g. Iz Mikhaylovskogo v Peterburg // A. S. Pushkin. Sobraniye sochineniy v 10 tomakh. T. 9. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1962. S. 156]
- Рылеев К.Ф. Думы / Издание подготовил Л. Г. Фризман. М.: Наука, 1975. 254 с. [Ryleyev K.F. Dumy / Izdaniye podgotovil L. G. Frizman. M.: Nauka, 1975. 254 s.]

Крючков Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет; n.n._kryuchkov@mail.ru

A hero from “The Ice House”: a literary representation of A.P. Volynsky in literary works of 1820-1830s

The paper analyzes a literary representation of Artemy Volynsky in literary works of the 1820s –1830s. The absence of special historical studies of the reign of Anna Ioannovna, the inaccessibility of historical documents for the educated part of society, and the influence of Romanticism predetermined the literary tradition. The idealized image of the executed patriot created by I.I. Lazhechnikov turned out to be rather durable.

Keywords: historical novel, literary tradition, literary image, historical memory

Nikolay N. Kryuchkov, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of History, Philosophy & Law, Ryazan State Radioengineering University; n.n._kryuchkov@mail.ru